Надев перчатки, Косака глубоко откинулся в кресле и открыл журнал. Как и можно было ожидать, рассказывалось в нём о паразитах. Научный журнал с надписью «Журнал паразитологии» на обложке и написанным полностью на английском языке содержимым. Так она в своём возрасте умеет читать такие сложные тексты, — поразился Косака.

Листая страницы, он наткнулся на помеченную статью «This Wormy World» Нормана Р. Столла. Точного перевода названия Косака не знал. Изъеденный червями мир? Или имеется в виду, что мир сам по себе как червь? Нет, нельзя забывать, что журнал посвящён паразитологии, так что, возможно, вариант «этот кишащий паразитами мир» будет наиболее верным.

В ванной затих душ. Примерно через пять минут оттуда вышла переодетая в пижаму Санаги. Увидев у неё на голове чёрное полотенце, Косака тихо ахнул от удивления.

— Что-то не так? – спросила она.

— О, ничего особенного… Просто подумал, что, когда твои серебристые волосы чем-то укрыты, выглядишь ты как совершенно нормальная девушка.

— А, это? – Санаги подняла взгляд. – Прости, что была ненормальной.

— Я не хочу сказать, что у тебя плохая причёска, нет. Просто с чёрным цветом она смотрится совсем по-другому.

— Полагаю, тебе нравятся вежливые черноволосые девушки с лишённой пирсинга светлой кожей, а, мистер Косака? – злобно спросила Санаги, сев на кровать и скрестив ноги.

— Я ничего такого не говорил.

— Тогда как ты объяснишь все те фотографии у себя на компьютере?

— … Какие?

— Да никакие, я шучу. Просто захотелось тебя подразнить.

— Нельзя так шутить, — Косака вздохнул, откидываясь на спинку кресла.

Санаги внезапно заметила журнал в руках у Косаки и распахнула глаза.

— Эй, это же…

— Ага, — он уже совершенно о нём забыл и вспомнил, лишь когда Санаги заметила в его руках что-то необычное. – Прости, мне просто всегда было любопытно, что ты читаешь. Не стоило его трогать?

— Нет, ничего такого… И как? Интересно?

— Немного тяжело для восприятия. Ты хорошо владеешь английским, как я смотрю.

— Не-а. Оценки получаю не самые лучшие.

— Но при этом спокойно читаешь научные статьи?

— Только посвящённые паразитам. Все они написаны примерно по одному и тому же принципу, так что я уже привыкла.

— Здорово. Далеко не каждый прогульщик может этим похвастать. Кстати, — Косака вспомнил о назревшем чуть ранее вопросе. – Как это перевести?

Санаги поднялась с постели и, встав за Косакой, взглянула на интересовавшее его словосочетание, к которому он приложил указательный палец. Ноздри защекотал сладкий запах шампуня. Подойди она к нему так близко при обычных обстоятельствах, Косака бы тут же отпрянул, но, раз девушка только вышла из душа, всё было в порядке.

— Такой взрослый и не знаешь столь простых слов? – издевательски спросила Санаги.

— Взрослые, вопреки твоей точке зрения, не знают всего на свете, — возразил Косака. – Так что это означает?

— По-моему, в одной из прочитанных мною книг это переводилось как «этот захваченный вредителями мир», — Санаги задумалась, перебирая информацию у себя в голове. – В тысяча девятьсот сорок седьмом году это выражение использовал Норман Столл, очень чётко описывая наш мир как место, в котором вышли из-под контроля паразитарные заболевания.

— Звучит ужасающе, — Косака нахмурился.

— Кстати, спустя более полувека ситуация практически не изменилась. Люди по всему миру неосознанно являются переносчиками множества паразитов. И Япония не исключение. Известные в прошлом паразитозы, такие как аскаридоз, шистосомоз или малярия уже исчезли, однако паразиты по природе своей скрываются во многих местах человеческого организма и ждут шанса нас заразить. Или, быть может, уже заразили, но мы об этом даже никогда не узнаем.

Косака вздохнул.

— Похоже, разум маньяка чистоты никогда не обретёт покой.

— Увы.

Санаги сказала, что ей нужно высушить голову, и вышла из гостиной.

Начиная с того дня, как они рассказали друг другу о своих расстройствах, девушка сразу же после прихода начала принимать душ. Косака говорил, что ей необязательно проявлять такую предусмотрительность, но Санаги отказалась, назвав это своей прерогативой. Сполоснувшись, она надевала взятую с собой чистую одежду, шла в гостиную и, разлёгшись на кровати, бралась за книгу, при желании отвлекаясь на разговоры с Косакой.

Вернувшись из ванной, Санаги, судя по всему, захотела продолжить беседу и оттого села на кровать напротив Косаки, а не вытянулась во всю её длину.

— Я ещё никогда не видел, что бы ты читала книгу не о паразитах. Что в них тебя так сильно очаровывает? – спросил он.

— … Объяснить мне несложно, но тебе, мистер Косака, может поплохеть.

— Будем считать, что в родных стенах я готов услышать всё, что угодно.

— Ну давай посмотрим… — Санаги поднесла руку к подбородку и задумалась. – Мистер Косака, ты слышал о спайнике парадоксальном?

Когда Косака отрицательно покачал головой, девушка начала рассказ об экологии этих паразитов. О пожизненном спаривании, об их неразделимости, о напоминающей бабочку внешности, об уготовленной судьбой любви с первого взгляда и о слепоте этой самой любви. Разговорившись, Санаги вдруг осознала, насколько она была словоохотлива, и у неё покраснело лицо, однако после просьбы Косаки рассказать что-нибудь ещё она тут же продолжила.

— Эта серёжка, — девушка поправила волосы, чтобы показать украшение Косаке, — тоже сделана по подобию паразита.

— Мне казалось, это просто голубой цветок. Значит, и такие паразиты существуют?

— Именно. Кудоа семиточечный, принадлежащий к миксоспоридиям. Эти паразиты в качестве промежуточных хозяев используют рыб и кольчатых червей, а структура каждой из их спор имеет вид шестилистника, поэтому внешне они и напоминают цветок. Это называется полярными капсулами. И если форма спайника парадоксального на брелке слегка упрощена, то покрашенного в синий цвет кудоа семиточечного от моей серёжки не отличить. Проверь в интернете.

Косака послушно взял смартфон и записал «Кудоа семиточечный» в поисковик. На множестве картинок и вправду были изображены крохотные организмы под микроскопом, выглядящие точь-в-точь как серьга Санаги.

— Как две капли воды, верно?

— Я даже не подозревал, что паразиты могут быть такими красивыми.

— Однако он опасен для человека, поскольку вызывает пищевое отравление.

— Есть ещё что-нибудь настолько же интересное? – Косака отложил телефон.

— Хм-м, ну давай плавно перейдём к следующему, — Санаги сложила руки на груди и вновь предалась раздумьям. – О паразитах тебе ничего не известно, однако, раз уж ты такой маньяк чистоты, то наверняка должен был слышать о токсоплазме гондии.

— Да, само собой, — парень наконец услышал знакомое название. – Эти паразиты, если не ошибаюсь, передаются человеку через кошек.

— Ага, — Санаги кивнула. – Они известны как возбудители токсоплазмоза. Кошка – их первичный хозяин, но инфицировать они могут большинство теплокровных животных. В том числе и человека, конечно же.

— Первичный хозяин? – спросил Косака, тут же столкнувшись с незнакомым термином.

— Хозяин, являющийся конечным пунктом назначения паразита. Его также называют окончательным хозяином, — объяснила Санаги простыми словами.

Некоторые виды паразитов на протяжении жизненного цикла меняют хозяев. Например, сельдяной червь — вызывающая анизакидоз нематода. Сперва он инкубируется в воде, после чего становится жертвой ракообразных, таких как планктонные рачки. В них они избегают процесса пищеварения, и их личинки созревают до третьей стадии. Далее ракообразное съедается находящейся на следующей ступени пищевой цепочки рыбой, и сельдяной червь продолжает развиваться уже внутри неё. В кишечнике заглотившего рыбу кита сельдяной

червь перерастает сначала в четвёртую стадию, а потом – во взрослую форму. Отложенные нематодами яйца смешиваются с китовыми испражнениями и вместе с ними попадают в воду.

Таков жизненный цикл сельдяного червя, анизакида симплекса. В его случае планктонный рачок будет первым промежуточным хозяином, рыба – вторым, а кит – первичным. Первичный хозяин – конечный пункт назначения паразита. Если он не сможет в него попасть, то не сможет дать потомство.

— … Итак, возвращаясь к нашему разговору. Как ты думаешь, сколько в мире инфицированных токсоплазмой людей? – спросила Санаги.

— Ты говорила, что эти паразиты способны заразить большинство теплокровных животных, поэтому число однозначно будет большим. Две-три сотни миллионов?

— Свыше трети населения планеты, — без промедления возразила Санаги. – Несколько миллиардов.

Глаза Косаки распахнулись.

— Так много?

— Если мы остановимся на сегодняшней Японии, то, думаю, соотношение будет чуть меньше. Может, процентов десять. В худшем случае двадцать.

— Это по-прежнему немало… Но, с другой стороны, это доказывает безвредность токсоплазмы для нашего организма, верно? В противном случае весь мир был бы охвачен паникой.

— Ага. Инфицирование здорового человека не приносит никакого вреда. До настоящего времени и вовсе считали, что этот паразит безобиден для всех, кроме людей с иммунодефицитом и беременных женщин, однако с недавних пор начались разговоры о способности токсоплазмы влиять на действия и характер людей, — Санаги ткнула себе в лоб. – Было проведено интересное исследование по выявлению идущих за заражением хозяина эффектов. Самцы крыс, подвергающиеся бациллированию этими одноклеточными, перестают бояться охотящихся на них хищников, кошек. По-видимому, паразит контролирует крысу, промежуточного хозяина, чтобы побыстрее быть съеденным первичным – кошкой.

— Контролирует хозяина? – голос Косаки треснул от ужаса. Разве в «Кукловодах» Хайнлайна было не то же самое?

— Разрезав инфицированную крысу, вокруг церебральной лимбической системы учёные обнаружили скопление цист. А когда они проверили ДНК токсоплазмы гондии, то обнаружили в ней наличие генов, связанных с образованием дофамина. Точных деталей процесса я не знаю, но, похоже, токсоплазма может контролировать хозяина, чтобы обеспечить себе комфортные условия для размножения. Впрочем, управляющий носителем паразит – обычное дело. Взять тех же дикроцелий и лейкохлоридий, вызывающих у промежуточных хозяев голодание или суицидальные интенции.

Косака ненадолго призадумался.

— Так ты хочешь сказать, что похожее может произойти и с инфицированным токсоплазмой человеческим мозгом?

— Именно. Недавние научные анализы показали, что заражённые токсоплазмой гондии

мужчины по сравнению со здоровыми выказывают больший интерес к запаху кошачьей мочи. У женщин, однако, ситуация обратная.

— Странно. Воздействие паразитов разнится в зависимости от пола?

— Насчёт других паразитов я не слышала, но в исследованиях, посвящённых токсоплазме, прослеживается именно такая тенденция. В некоторых отчётах написано, что из-за токсоплазмоза мужчины становятся асоциальными и перестают нравиться девушкам, в то время как женщины, наоборот, навсегда забывают о проблемах с общением и противоположным полом. Также отмечалось, что число попыток самоубийства среди заражённых женщин на полтора процента больше, чем среди незаражённых.

— Значит, женщин токсоплазма может подтолкнуть к суициду? – Косака вздрогнул. – И этим заражено свыше трети населения планеты?

— То было лишь предположение. Оно не доказано.

— … Всё равно в дрожь бросает, — с кислым видом сказал Косака. – Я слышал, что Луи Пастер после своих работ в области микробиологии стал гермафобом. Из-за этого мне начинает казаться, что чем больше я узнаю о скрытых от невооружённого глаза вещах, тем труднее становится моя жизнь.

— У меня в запасе ещё много жутких историй. Хочешь услышать?

Косака покачал головой.

— Нет, давай сменим тему. Ты интересуешься чем-нибудь, кроме паразитологии?

— Хм-м… Это секрет, — Санаги озорно приложила палец к губам.

— Хобби, о котором ты не можешь рассказать людям?

— Девчачье хобби.

— Как правило, девушки скрывают как раз таки любовь к паразитам и свободно обсуждают свои увлечения.

— Понятие смущения у всех различается, — недовольно ответила Санаги. – Лучше ты расскажи, мистер Косака, что тебя так увлекло в написании вирусов?

Он рассказал ей историю о зарождении интереса к вредоносным программам. О том, как его в каком-то смысле спасло сообщение о наступлении конца света. О том, как ему стало интересно попробовать создать нечто похожее своими руками. О том, как он сразу же осознал, что, вопреки собственным ожиданиям, делает в этом деле успехи. И о том, как создание вирусов стало его единственной целью в жизни.

— Думаю, мне в некотором роде понятны чувства, которые ты испытал после того сообщения, — согласилась Санаги. – Кстати, а над какой программой ты работал?

— Тебе что-нибудь известно про первый компьютерный вирус в Японии, Санаги?

— Не-а.

— Первый в нашей стране вирус был разработан в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году.

Назывался он «Японское Рождество». Сама по себе программа носила шутливый характер: двадцать пятого декабря отображала на экране компьютера поздравительное сообщение. Схожим образом сделал вредоносное ПО и я, активируется оно в канун Рождества. Правда, как мне кажется, нанесённый людям ущерб окажется чуть более серьёзным.

Санаги слегка кивнула, предлагая ему продолжить.

— Если в двух словах, то созданный мною червь будет изолировать людей, — объяснил Косака, стараясь передать мысли как можно понятнее. – С вечера кануна Рождества до Рождественской ночи у заражённых смартфонов будет отключена функция передачи данных. Думаю, это доставит неприятности пытающимся встретиться парочкам по всей Японии. Смешно, правда?

Девушка, однако, не засмеялась.

После слов Косаки она мгновенно распахнула глаза и замерла, словно поражённая молнией.

— Что-то не так? – поинтересовался он.

Санаги никак не реагировала и по-прежнему молчала, не отрывая взгляда от глотки Косаки, будто её глаза заволокло пеленой.

Погружённая в размышления, она продолжала неподвижно сидеть, словно следила за образовавшимся в пространстве разломом. Косаке, прислушавшись, наверняка бы удалось услышать звук быстро вращающихся у неё в голове шестерёнок.

Похоже, я ляпнул чего-то лишнего, — догадался он, хоть и не смог понять, что из им сказанного могло вызвать у собеседницы такую тревогу.

В конце концов Санаги, так и не объяснив причины резкой смены настроения, неуклюже перевела разговор в другое русло. Но на протяжении оставшегося диалога было видно, что всё её внимание было сосредоточено на чём-то постороннем.

Волей судьбы написанный Косакой вирус напомнил Санаги об одной похожей программе, о которой из присутствующих в комнате знала только она. Это и стало причиной её странного поведения.

***

Наступил еженедельный день похода в магазин. С зажатыми в обеих руках пакетами Косака шагал по залитому светом уличных фонарей тротуару. Мрачно сияли расположившиеся то тут, то там неглубокие лужи. Воздух был чист, а на небе можно было рассмотреть даже самые маленькие звёзды.

На окружённой деревьями скамейке сидел мужчина средних лет. Увидев Косаку, он отставил банку кофе и привстал.

— Эй, — окликнул Идзуми, — не тяжело? Помощь нужна?

— Нет, всё нормально, — отказался Косака. — … Следите за выполнением задания?

— Ну, в какой-то мере.

Одет Идзуми был всё в то же накинутое поверх костюма грязноватое пальто. У него нет другой одежды? Или, может, для встреч с Косакой он решил одеваться только так? Или просто-напросто не задумывается о своём внешнем виде?

Он сел обратно и бросил взгляд на пакеты Косаки.

— Мне вот интересно, а чем питается маньяк чистоты?

— Крупами, обогащённой витаминами едой, тофу, консервами, замороженными овощами… — Косака перечислил список покупок. – Разумеется, я много чего не употребляю, но особо себя не ограничиваю. К тому же, как правило, ем я мало.

— А мясо? Сашими? Сырые овощи?

— Я ненавижу жирную пищу, так что мясо не ем. Сашими тоже. Сырые овощи – только если сам их хорошо промою и приготовлю. Впрочем, сомневаюсь, что всё равно стану их есть, ибо они мне не нравятся.

— Алкоголь?

— Только если выпадет случай. И только виски.

Но относится это исключительно к «чистым» виски, таким как Лафройг и Бомо, — добавил Косака про себя.

— Ну, неплохо, — Идзуми, удовлетворённый ответом, кивнул. – Многие люди виски пить вообще не могут. Тебе в каком-то смысле повезло.

Сев рядом с мужчиной, Косака поставил пакеты возле своих ног, из-за чего друг об друга звонко стукнулись находящиеся внутри банки. Приспустив на подбородок влажную от дыхания маску, он заговорил:

— Причина, по которой Хидзири Санаги прогуливает школу, — скопофобия.

— Эта информация из её уст? – спросил Идзуми спустя несколько секунд.

— Да. А наушники помогают ей подавлять симптомы.

— … Даже не верится, — с сомнением произнёс Идзуми. – Хидзири Санаги и вправду так сказала? Это не твои догадки?

— А сами Вы ничего от неё не слышали? – поинтересовался Косака.

— Мне она ничего рассказывать не будет. Абсолютная тайна.

Понятно, — подумал Косака. По лицу Идзуми было видно, что между ним и Санаги всё же установлен определённый контакт.

— Я бы наверняка до сих пор ничего не узнал, если бы у неё не случился приступ и она не позвонила мне за помощью.

— Позвонила за помощью? Она? – переспросил застигнутый врасплох мужчина. – Наша ситуация вырисовывается во что-то крайне необычное. Кто бы мог подумать, что произойдёт это именно с тобой; с человеком, на которого, по сравнению с предыдущими кандидатами, я

возлагал меньше всего надежд…

— Возможно, кроме меня, ей не на кого было рассчитывать. Везение, не больше.

— Да нет, дело тут не в везении. Ты единственный, кому удалось выяснить, почему Хидзири Санаги не ходит в школу. До текущего момента, какой бы эта девушка ни была мягкосердечной, о своём заболевании она не давала знать никому, кроме родственников. Другими словами, тебе она доверяет так же, как членам своей семьи.

— Я был бы очень счастлив, окажись эти слова правдой, — подумал Косака. – Однако сказанное Идзуми нельзя принимать за чистую монету. Возможно, он специально всё выдумал, чтобы мне польстить. Не удивлюсь, если всем нанятым до меня людям он говорил то же самое.

Из внутреннего кармана пальто мужчина вытащил конверт и протянул его Косаке.

— Как и договаривались. Но здесь только половина. Получишь ты оставшуюся часть денег или нет, зависит только от твоих дальнейших поступков.

Испытав облегчение от возвращения к нему денег, которые он некогда отдал Санаги, Косака спрятал конверт в карман.

— … И каков план действий?

Идзуми ничего не ответил и, облокотившись на спинку лавки, поднял взгляд к небу. Косака последовал его примеру и также взглянул наверх, подумав, что мужчина перевёл внимание на начинающийся снегопад, однако погода, как выяснилось, стояла ясная. Со стороны казалось, что за ответом на прозвучавший вопрос Идзуми, пребывая в раздумьях, обратился к бесчисленным звёздам.

Отпив кофе и вздохнув, он ответил:

— Никаков.

Косака с выпученными глазами повернулся к собеседнику.

— Так это значит, что моя работа…

— Эй, этого я не говорил. Твоя работа ещё не окончена. Под «никаков» я имел в виду «оставь всё как есть». Продолжай поддерживать с ней дружеские отношения. Быть может, из этого выйдет что-нибудь интересное.

— Интересное?

Вопрос Идзуми проигнорировал.

— На этом прощаюсь. Свяжусь с тобой позже, — сухо ответил он и встал.

Сделав несколько шагов, мужчина резко остановился и развернулся.

— Забыл сказать одну важную вещь. Мне надо тебя кое о чём предупредить.

— О чём же?

— Что бы дальше ни происходило, не выходи за рамки допустимого. Даже если Хидзири Санаги

сама от тебя этого захочет. Сомневаюсь, что стоит предостерегать маньяка чистоты вроде тебя, но лучше перебдеть, чем недобдеть. Придерживайтесь платонических отношений.

Косака ошарашенно взглянул на Идзуми. А затем нахмурил брови.

— Да о чём Вы? Вам же известно, какая между нами разница в возрасте.

— Просто скажи, что всё понял. Хочешь верь, хочешь нет, но говорю я это из беспокойства о тебе, а не о Хидзири Санаги. Если моё предупреждение будет проигнорировано, в большой беде окажешься именно ты.

Косака вздохнул.

— У Вас нет причин беспокоиться. Я даже за руки с ней не смогу подержаться.

— Вот. Буду молиться, чтобы так всё и осталось.

С этими словами Идзуми растворился в холодной тьме.

***

Смартфон Косаки начал издавать знакомую мелодию, имя на экране – «Хидзири Санаги». На этот раз, в отличие от их прошлого телефонного разговора, голос девушки звучал уверенно и давал понять, что звонит она не просто так.

— Я хочу кое-что испробовать. Подходи к библиотеке, — произнесла Санаги и положила трубку.

Косаку начали терзать сомнения, однако вскоре он сдался, переоделся, надел маску и перчатки и уже собрался выходить из квартиры, как тут же решил снять маску и выбросил её в мусорное ведро. Объяснения своему поступку парень найти не смог. Он просто был уверен, что так будет лучше.

Санаги ждала его на ступеньках возле парадного входа в библиотеку. Одета она, как и всегда, была не по погоде и даже слегка дрожала от холода. Сама девушка, однако, находила эту дрожь вполне нормальной. Завидев Косаку, она опустила наушники на шею и слегка подняла руку.

— Так что ты хотела?

— Не сейчас. По пути расскажу, — ответила Санаги и встала.

На протяжении дороги домой Косака не переставал украдкой рассматривать её лицо. Вплоть до мнительного предупреждения Идзуми он ни разу не задумывался о том, чтобы рассматривать Санаги в романтическом ключе, и сегодня всё было по-другому.

Получится ли у меня увидеть в этой любящей паразитов и страдающей от скопофобии девушке свою вторую половинку? – задал сам себе вопрос Косака. И тут же получил ответ: — Нет, конечно. И это правда. К Хидзири Санаги я и в самом деле не испытываю никаких особенных чувств, если не считать вполне естественную привязанность к ней как к человеку, на собственном опыте знакомому с моими переживаниями. Однако это далеко не любовь.

Ну что за идиотизм? – свои тревоги он перевёл в шутку. – Она же ещё ребёнок. Не верю, что Идзуми поднял на эту тему на полном серьёзе. Просто уточнил для уверенности. Самой что ни

на есть уверенности, точно. Никаких сомнений.

Он внезапно заметил, что Санаги смотрит прямо на него. Сперва Косака забеспокоился, что все эти размышления нашли своё отражение на его лице, однако дело, как оказалось, было в другом.

— Эй, мистер Косака. Если бы я прямо сейчас попросила тебя погладить меня по голове, как бы ты поступил?

Сходу ответить на неожиданный вопрос парень не смог.

— Ты хочешь, чтобы я это сделал?

— Просто гипотетически. Погладил бы? Или нет?

Он мысленно оценил услышанную гипотезу.

— Думаю, ничего невыполнимого в этом нет.

— То есть всё-таки бы погладил, верно?

— … И что с того?

— Во время наших совместных прогулок моя скопофобия отходит на второй план, — с этими словами девушка сняла наушники и убрала их к себе в сумку. – Рядом с тобой они мне не нужны. Возможно, мне становится легче оттого, что рядом находится человек, по-настоящему понимающий мои симптомы. За собой ты такого не замечаешь?

Косака прислонил руку ко рту и поразился сам на себя.

Должно быть, предположение Санаги и являлось причиной его резкого желания выйти на улицу без маски. Думая о встрече с ней, он испытал облегчение и стал чувствовать себя гораздо спокойнее, нежели обычно.

— В самом деле. Полагаю, когда мы вместе, моя фобия тоже не так о себе напоминает.

— Я знала, — гордо произнесла Санаги. – Мы не можем этим не воспользоваться. Правда, я ещё не решила, как именно.

— Воспользоваться для чего?

— Разве не очевидно? Будем привыкать к внешнему миру. Курс реабилитации в виде трёхногой гонки, чтобы гулять по улице без перчаток и наушников.

— … Интересно. Неплохая идея, — согласился Косака.

— Так вот, я долго думала, и…

Девушка вкратце обрисовала свой план.

Семнадцатое декабря, суббота.

По сути, Санаги впервые пришла к Косаке до полудня.

Перешагнув через порог, она вручила ему билет на пассажирский экспресс, что тут же испугало хозяина квартиры. В детали изложенного ею плана входила поездка в отдалённые районы, но он и подумать не мог, что им предстоит отправиться за пределы префектуры.

Косака хотел было отдать Санаги деньги за билет, но она тут же его остановила.

— Не стоит, считай это моим подарком. Взамен попрошу лишь не жаловаться, когда мы приедем.

— Хорошо, — согласился он. А затем тихо добавил: — Но только если там не слишком грязно.

И они вышли. В рюкзаке Косаки лежали перчатки, в сумке Санаги – наушники, однако пользоваться ими они планировали только в исключительных обстоятельствах. Они не собирались обращаться к крайним мерам, пока ситуация окончательно не выйдет из-под контроля.

О поездке Косака почти ничего не помнил. Всю дорогу он отчаянно пытался ни о чём не думать, лишая себя возможности насладиться видом из окна или поговорить с Санаги. Девушка вела себя почти так же: всё время, что они провели в поезде, она ёрзала на месте и прятала лицо.

Симптомы их заболеваний и в самом деле проявляли себя не так сильно, как обычно. Однако это было сродни сравнению двух медицинских термометров, показывающих сорок и тридцать девять градусов. Расстройство остаётся расстройством, насколько бы слабо оно себя ни проявляло.

Стоило им выйти на станции Токио и перейти на ветку Яманотэ, как тревога Косаки достигла своего апогея. В поезде было ужасно тесно, и при каждой встряске парень налетал на ближайших пассажиров, которые тут же с неприязнью отталкивали его, словно он с ног до головы был облеплен насекомыми. С каждым вдохом ему всё сильнее казалось, что по организму распространяется передаваемая через дыхание окружающих людей инфекция.

Дикая боль в животе. Кислым комом подступающая к горлу рвота. Косака еле стоял на ногах и в любой момент мог упасть, расслабься он хоть на секунду.

Но рядом с ним была Санаги. Вцепившаяся в манжет его пальто, отчаянно сопротивляющаяся своей фобии и скрежещущая зубами девушка. Стоило Косаке вспомнить о её существовании, как боль в животе и тошнота немного отступили. На текущий момент я – единственная её опора. Что же произойдёт, если мне самому не удастся сдержаться? – подбадривал он себя.

— Ты в порядке? – тихо спросил Косака. – Идти сможешь?

— Да, всё хорошо, — охрипшим голосом ответила Санаги.

— Сразу дай знать, если станет совсем плохо.

— От кого я это слышу. Сам выглядишь не лучше, — задиристо отшутилась девушка. – «Сразу дай знать, если станет совсем плохо».

— Так и сделаю, — Косака улыбнулся.

Поездка длилась менее двадцати минут, однако, если перефразировать слова Эйнштейна о

теории относительности, все эти двадцать минут Косака и Санаги держали руки на горячей печи: выйдя на платформу, Косака был измождён настолько, будто провёл в вагоне несколько часов.

Пятнадцать минут ходьбы на запад от станции Мэгуро.

— Прибыли, — Санаги остановилась.

Косака поднял глаза. Перед девушкой возвышалось компактное шестиэтажное здание, над входом которого виднелась надпись «Паразитологический музей Мэгуро».

Паразитологический музей?

— Не думаю, что мне стоит сюда заходить… — робко произнёс Косака.

— Ты обещал, что ни при каких обстоятельствах не будешь жаловаться, — Санаги повернула голову и улыбнулась.

Сил с ней спорить у него не было, и, следуя за девушкой, Косака вошёл в парадную дверь.

В небольшом предбаннике была вывешена информация о паразитах и представленных образцах. Рядами стояли окружённые витринами склянки с экспонатами – как самими паразитами, так и инфицированными ими существами или органами, – и Косака с Санаги принялись рассматривать каждый из них по очереди.

До текущего момента Косаку беспокоило то, что ему едва ли удастся сдержать себя в руках, однако образцы в стерильных медицинских склянках напоминали скорее некие абстрактные скульптуры, нежели насекомых, оттого и казались ему на удивление чистыми.

Внешне некоторые паразиты походили на лапшу или овощи. Глисты и бычьи цепни напоминали вьющийся кишимен, аскариды – спутанные ростки фасоли, а гирокотилиды – аурикулярию густоволосистую. Конечно, присутствовали тут и более необычные экспонаты, вызывающие желание тут же отвести взгляд: имевшая огромную опухоль на животе полевая мышь с эхинококкозом или голова зелёной морской черепахи, инфицированная озобранхусом жабродышащим. От одного их вида лицо Косаки машинально подёргивалось, в то время как Санаги без каких-либо проблем рассматривала всё вокруг.

Помимо Косаки и Санаги, вокруг бродили ещё пять групп людей, четыре из которых на вид казались влюблёнными парами. Некоторые из них время от времени вскрикивали, будто пришли сюда лишь посмотреть на страшных существ, однако присутствовали и другие, непринуждённо обсуждающие экспонаты, то и дело используя научные термины. Объяснить популярность этого музея как места для встречи между парнем и девушкой Косаке оказалось не под силу.

— Мистер Косака, смотри, — заговорила Санаги, после чего перевела взгляд на витрину.

Смотрела девушка на склянку для образцов, наклейка на которой была подписана как «Спайник парадоксальный». «На первый взгляд они похожи на обыкновенных бабочек, однако данный уникальный паразит являет собой двух червей, встретившихся ещё в виде личинок и ставших одним целым» — написанное чуть ниже более или менее совпадало с тем, что ранее объясняла Косаке Санаги. Основатель паразитологического музея Мэгуро, Сатору Камэгаи, всю жизнь посвятил изучению представленного паразита, поэтому оный и стал логотипом музея.

Косака взглянул на него через выставленную перед склянкой лупу.

— Ну как? – спросила Санаги.

— … Словно бабочки.

Паразиты и вправду очень напоминали бабочек. Беловатых бабочек с маленькими задними крыльями, по форме схожих с брелком Санаги.

Косака присел на корточки и ещё некоторое время рассматривал выставленных спайников. По какой-то причине эти символично соединённые черви вызывали у него сильную тоску.

На втором этаже были представлены такие известные паразиты, как токсоплазма гондии и эхинококк, а также стенд с поясняющей информацией о спирометре эринацеи. Согласно тексту, этот ленточный червь, попадая в организм человека, приводит к паразитическому заболеванию, известному как спарганоз. Данное наименование на японском языке содержит в себе термин «орфанный червь», употребляемый для обозначения насекомых, у которых идентифицирована лишь личиночная форма.

— Строго говоря, называть спирометру эринацеи «орфанным червём» неправильно, — добавила Санаги. – В настоящее время взрослая форма этих лентецов уже открыта, а орфанными червями их называли лишь в первые тридцать лет с момента обнаружения. А название болезни, включающее в себя эти два слова, уже просто-напросто устоялось, и поэтому его не меняют.

Она, как всегда, становится такой разговорчивой, когда дело доходит до паразитов, — подумал Косака с ухмылкой на лице.

Санаги указала на правую сторону витрины.

— А вот взрослую форму спарганума-пролиферума не могут найти уже больше века, поэтому он самый что ни на есть орфанный червь. Попадая в людей и начиная размножаться, он безостановочно расщепляется, занимая и уничтожая все части организма. В том числе и мозг. В конечном счёте этот паразит разрушает каждый твой орган, и ты умираешь. В настоящее время методов борьбы с ним ещё не придумано, поэтому смертность составляет сто процентов. Медицина бесполезна, а хирургическое вмешательство невозможно из-за широкой распространённости червей по всему телу.

Косака сглотнул.

— Существуют настолько опасные паразиты?

— Да. Но бояться нечего, во всём мире произошло лишь около двенадцати случаев инфицирования им человека.

Какое-то время они молча рассматривали представленные образцы.

— Слушай, Санаги, я кое-чего не могу понять, — нарушил тишину Косака, по-прежнему разглядывая спарганума-пролиферума. – А зачем им убивать людей? Если судить по сказанному тобой, их действия можно расценивать как самоубийство. Они же умирают вместе с носителем, так ведь? Зачем они рубят сук, на котором сидят?

Санаги одарила Косаку одобрительным взглядом, словно хваля его за хороший вопрос.

— Паразитам не всегда удаётся заразить желаемую цель. Иногда они просто теряются в случайных организмах, не являющихся ни промежуточными, ни окончательными, ни резервуарными хозяевами. Попадание в такого носителя для них равносильно потере шанса добраться до первичного хозяина. При таком раскладе большинство паразитов просто умирает, но есть и те, что упорно сопротивляются и в виде личинки передвигаются по органам и частям носителя, пытаясь достичь своей конечной цели. В некоторых случаях это может спровоцировать симптомы серьёзной болезни. Данный класс заболеваний называется синдромом «блуждающей личинки». Например, гнатостомы, заразившие человека, а не типичную для них пресноводную рыбу, могут больше десяти лет скитаться по нашему организму.

— И всё ради попытки выбраться из тела, в которое они попали по ошибке?

— Именно. Даже внушающий в людей ужас спарганум-пролиферум в теле окончательного хозяина будет вести себя покладисто. Потому что, как ты верно подметил, убив носителя, умрёт и он сам.

Косака кивнул. Где-то он слышал, что передающийся людям от лис эхинококк абсолютно безобиден, пока находится в теле последних. Мягким тоном Санаги продолжила:

— Тем не менее, нельзя сказать, что паразиты никогда не наносят ущерб своему окончательному хозяину. Например, человек является первичным хозяином бычьего цепня, личинки которого по достижению головного и спинного мозга вызывают цистицеркоз, смертельное для нас заболевание. И…

Девушка внезапно замолкла, заметив, что на её речь отвлеклись бродившие вокруг посетители. Кто-то смотрел на неё с любопытством, кто-то – с неподдельным интересом и восхищением. Осмотревшись, Санаги поняла, что, сама того не желая, привлекла к себе внимание и тут же спряталась за спину Косаки.

— … Нам пора уходить, — произнесла она тонким голосом.

— Ага, — согласился он.

Если бы в тот день Санаги закончила свой рассказ про цистицеркоз, развязка произошедшего позднее инцидента могла бы оказаться немного другой.

Проглоченные человеком яйца бычьего цепня инкубируются в органах хозяина и становятся личинками, называемыми цистицерками. Двигаясь по кишечному тракту, они создают цист. Образуясь в таких местах, как спинной и головной мозг, цисты вызывают цистицеркоз, однако в период жизни цистицерков симптомы заболевания не проявляются.

Проблемы возникают лишь после их смерти. Обызвестлившийся в центральной нервной системе цистицерк провоцирует сильную тканевую реакцию, приводящую к очаговому воспалению и глиоме вокруг цист. Те в свою очередь перетекают в повреждение нервов и эпилептические припадки. На этой стадии коэффициент смертности от цистицеркоза может превышать пятьдесят процентов.

Существовала одна важная причина, почему данной информацией должен был обладать не кто иной, как Косака. Несведущему в паразитах человеку, коим он и являлся, было совершенно

невозможно добраться до истины, избавившись от предубеждений и собрав все знания воедино.

***

По сравнению с поездкой в музей обратная дорога оказалась гораздо легче. Немного отдохнув и перекусив в кафе, Косака и Санаги выдвинулись в сторону дома. Всё время в пассажирском экспрессе они не переставали непринуждённо общаться.

— Кстати, я однажды слышал, что паразиты могут избавить хозяина от аллергии. Это правда?

— Не только от аллергии. Согласно результатам некоторых экспериментов, они также эффективны против аутоиммунных заболеваний, таких как язвенный колит или болезнь Крона. Само собой, выздоровление никто не гарантирует, поэтому до использования паразитов в качестве лекарств ещё далеко.

Косака размял шею.

— А как это работает? Просто мне казалось, что введение в организм чего-то, как паразит, инородного спровоцирует серьёзные аллергические реакции.

— Такое тоже бывает. Но… — Санаги замолчала на несколько секунд, словно её мозг занимался распаковкой сжатой памяти. – Человеческая иммунная система в какой-то степени построена на взаимодействии с паразитами. В наше время любого охватит паника, найди у него инфекцию, однако несколько десятилетий назад наличие в организме различных паразитов считалось нормой. Если иммунная система будет атаковать их одного за другим, то наше тело превратится в постоянное поле боя и в мгновение ока разорвётся на куски. Поэтому мы и устроены таким образом, чтобы сосуществовать с относительно безвредными незваными гостями.

— А, этакий симбиоз?

— Верно. Это связано с отвечающими за иммуносупрессию Т-регуляторными клетками. У кого-то их недостаточно, вследствие чего не развивается иммуннотолерантность и иммунная система начинает чересчур сильно бороться с чужеродными веществами или даже враждовать с твоими собственными клетками и органами. Если не вдаваться в детали, то именно это и вызывает аллергические реакции и аутоиммунные болезни, то есть работа иммуносупрессоров связана с облегчением иммунозаболеваний. Видимо, эти Т-регуляторные клетки появляются благодаря существованию «одобренных хозяином паразитов». Так что, по сути, отсутствие паразитов в организме приведёт к увеличению числа современных болезней.

Косака обдумал услышанное.

— Другими словами, паразиты могут избавить носителя от аллергии путём умелого ослабления иммунной системы?

— Думаю, такая формулировка тоже сойдёт.

Немного напоминает фрейдовских Эроса и Танатоса, — подумал Косака. — Направленная вовне энергия может изменить вектор направления на противоположный и привести к саморазрушению.

— Но меня всё равно шокирует понимание того, что человеческое тело «построено на

взаимодействии с паразитами».

— С чего вдруг? Микрофлора кишечника, являющаяся наглядным примером такой связи, у тебя ведь подобных чувств не вызывает?

И правда, не вызывает, — мысленно согласился Косака, услышав слова собеседницы и полностью во всём разобравшись.

Двигаясь по коридору на втором этаже промежуточной станции, Косака неумышленно взглянул в окно и увидел простирающийся за вокзалом район. Украшенные рождественскими гирляндами деревья, залитые изумительным оранжевым цветом дома. Санаги, как он, повернувшись, заметил, также разглядывала город. А в её глазах, на пару с вечерним пейзажем, отражалась сложная смесь презрения и зависти.

Спустя двадцать минут поездки по частной железной дороге они наконец-то увидели знакомые улицы. Выйдя со станции, им вновь удалось вдохнуть свежий воздух и увидеть нависшее над ними чистое ночное небо, украшенное полумесяцем.

— Похоже, вернулись без происшествий, — эмоционально произнесла Санаги.

— Каким-то чудом, — добавил Косака. – Для первой тренировки получилось довольно шероховато.

Когда они проходили через затихший жилой квартал, Санаги резко остановилась и устремила пристальный взгляд на детскую площадку, в сторону которой она без промедления и повернула. Косака последовал за ней.

Тесная и непригодная для игры в пятнашки площадка была укутана беленой. Покрытые настом сугробы доставали до лодыжек, и избежать попадания снега в обувь можно было, лишь протаптывая себе дорогу.

Достигнув окрашенной в синий и зеленый цвета «паутинки», Санаги без промедления поставила ногу на нижнюю перекладину. Добравшись до самого верха и усевшись поудобнее, она, приговаривая: «Холодно, холодно!», согрела руки дыханием, а затем гордо улыбнулась и бросила взгляд на стоявшего внизу Косаку.

Он неуверенно прикоснулся к одной из балок и, очистив её от снега, чтобы не поскользнуться, аккуратно забрался наверх и сел рядом с Санаги.

Играть на детских площадках ему не доводилось со времён начальной школы.

Они молчали, предаваясь уже ставшими ностальгическими воспоминаниями о поездке в музей. Мир с высоты двух-трёх метров выглядел совершенно по-иному. Вбирающий в себя лунный свет снег окрашивал округу в бледно-серый цвет.

Через некоторое время Санаги нарушила тишину:

— Мистер Косака, ты помнишь спайника парадоксального, о котором я тебе недавно рассказывала?

— Конечно, помню. Внешность бабочки, роковая любовь с первого взгляда, пожизненное спаривание, слепая любовь, два сапога пара?

— Фантастика, — Санаги сложила руки и улыбнулась. А затем продолжила. – А ты когда-нибудь задумывался о любви?

Возможно, за всю жизнь я не найду ни одного человека, которого смогу назвать своей парой.

Возможно, я умру, так ни в кого и не влюбившись.

Возможно, когда меня не станет, по мне никто не будет плакаться.

— Я не спайник парадоксальный, так что порой, перед сном, люблю об этом поразмышлять, — безэмоционально добавила Санаги. – Тебе знакомы эти ощущения, мистер Косака?

Он решительно кивнул.

— Я нередко думаю о подобных вещах. Каждый раз, когда на улице мне встречаются счастливые супружеские пары, в голове невольно возникает мысль о том, что мне вряд ли уготована схожая судьба. Размышлять об этом невероятно грустно, — Косака перевёл дыхание и добавил: — Но тебе, Санаги, как мне кажется, не стоит беспокоиться. Ты гораздо младше меня. И умнее. И, откровенно говоря, красивее. У тебя множество хороших черт, перекрывающих все твои недостатки. Нет причин так рано в себе разочаровываться.

Девушка медленно покачала головой.

— Ты говоришь так только потому, что недостаточно хорошо меня знаешь, мистер Косака.

— Может, ты и права. Но думать, что ты знаешь себя лучше, чем другие, тоже неправильно. Порой то, что видят в тебе окружающие, куда ближе к истине.

— … Возможно. Было бы здорово, окажись это правдой.

Санаги грустно сузила глаза и открыла рот, желая что-то сказать, но тотчас передумала и поджала губы. А затем аккуратно спустилась на землю.

— Пойдём по домам. Я уже вся замёрзла.

— Пойдём, — Косака спрыгнул вслед за ней.

Покинув парк, эти двое не проронили ни слова. До момента расставания они шли в абсолютной тишине.

— Ну… — начал было прощаться Косака, но Санаги его перебила.

— М-м… Мне кажется, что, когда ты начинаешь к чему-то стремиться, всегда следует ставить перед собой чёткую цель.

Косаке потребовалось около пяти секунд, чтобы понять, что говорила она о попытках преодолеть выраженные в виде их компульсий препятствия.

— Что думаешь? К кануну Рождества я смогу ходить по улице, не беспокоясь о взглядах окружающих. А ты, мистер Косака, сможешь держаться с людьми за руки и не думать о грязи.

— Звучит интересно.

— Тогда давай пообещаем друг другу, что в канун Рождества мы, держась за руки, будем гулять по освещённому гирляндами городу, после чего скромно отпразднуем приближающееся Рождество.

С этими словами Санаги развернулась и быстро ушла.

Вернувшись домой, Косака без какой-либо задней мысли вбил в поисковик «Паразитологический музей Мэгуро» и обнаружил один интересный факт. Судя по всему, в том районе этот музей является популярным местом для свиданий. Именно поэтому там и было так много влюблённых пар.

http://tl.rulate.ru/book/5373/140634